

Чтение 3. Н.М. Карамзин «Письма русского путешественника»

19 ФЕВРАЛЯ 2010

ПУТЕШЕСТВИЕ С КАРАМЗИНЫМ

Мы с вами продолжаем читать «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина.

Итак, берег Франции остался позади, путешественник ступает на английскую землю.

По сравнению с Парижем, пребывание Карамзина в Англии было весьма кратким. На то были причины, одна из них – финансовые трудности, сказался и языковой барьер. Но эти причины не лишили нашего путешественника богатства впечатлений.

Дувр

«Берег! Берег! Мы в Дувре, и я в Англии – в той земле, которую в ребячестве своем любил я с таким жаром и которая по характеру жителей и степени народного просвещения есть, конечно, одно из первых государств Европы. – Здесь все другое: другие дома, другие улицы, другие люди, другая пища – одним словом, мне кажется, что я переехал в другую часть света...»

Так, друзья мои! Англию можно назвать землею красоты – и путешественник, который не пленится миловидными англичанками; который, – особливо приехав из Франции, где очень мало красавиц, – может смотреть равнодушно на их прелести, должен иметь каменное сердце. Часа два ходил я здесь по улицам единственно для того, чтобы любоваться дуврскими женщинами, и скажу всякому живописцу: "Если ты не был в Англии, то кисть твоя никогда совершенной красоты не изображала!" – Англичанок нельзя уподобить розам; нет, они почти все бледны – но сия бледность показывает сердечную чувствительность и делается новою приятностию на их лицах. Поэт назовет их лилиями, на которых, от розовых облаков неба, мелькают алые оттенки. Кажется, будто всяким томным взором своим говорят они: "Я умею любить нежно!" – Милые, милые англичанки! – Но вы опасны для слабого сердца...»

Лицо англичанина начинает вырисовываться уже с первого момента, когда путешественник ступил на английскую землю.

«Когда я пришел в трактир, где мы остановились ночевать, то в первой комнате окружили меня семь или восемь человек, весьма худо одетых, которые грубым голосом требовали денег. Один говорил: "Дай мне шиллинг за то, что я подал тебе руку, когда ты сходил с пакетбота"; другой: "Дай мне шиллинг за то, что я поднял платок твой, когда ты уронил его на землю"; третий: "Дай мне два шиллинга за то, что я донес до трактира чемодан твой". Четвертый, пятый, шестой – все требовали, все объявляли права свои на мой кошелек; но я, бросив на землю два шиллинга, ушел от них. Судите, любят ли здесь деньги и дешево ли ценят англичане труд свой?»

Еще другая черта. Все наши сундуки и вещи принесли с пакетбота в таможеню. "У меня нет ничего запрещенного, – сказал я осматрицам, – и если вы поверите моему честному слову и не будете разбивать моего чемодана, то я с благодарностию заплачу несколько шиллингов". – "Нет, государь мой! – отвечали мне, – нам должно все видеть". – Я отпер и показал им старые свои книги, бумаги, белье, фракы. "Теперь, – сказали они, – вы должны заплатить полкроны". – "За что же? – спросил я. – Разве вы были снисходительны или нашли у меня что-нибудь запрещенное?" – "Нет, но без этого не получите своего чемодана". Я пожал плечами и заплатил три шиллинга. – И так английские таможенные приставы умеют строго исполнять свою должность и притом... наживаться!»

Размеренные и чопорные англичане приятно поражают путешественника своим порядком, чистотой и аккуратностью.

«Мне хотелось видеть английскую кухню. Какая чистота! На полу нет ни пятнышка; кастрюли, блюда, чашки – все бело, все светло, все в удивительном порядке. Каменные уголья пылают на большом очаге и розовым огнем своим прельщают зрение. Хозяйка улыбнулась очень приятно, когда я сказал ей: "Вид французской кухни нередко отнимает аппетит; вид вашей кухни производит его".

Ужин наш состоял из жареной говядины, земляных яблок, пудинга и сыру. Я хотел спросить вина, но вспомнил, что в Англии нет виноградных садов, и спросил портера. Бутылка самого худого шампанского или бургонского стоит здесь более четырех рублей».

Лондон

Путешественник направляется в Лондон, и дорога, окрестности, не разочаровывают его, а наоборот, приводит в восторг своим изобилием и порядком.

«В шесть часов утра сели мы в четвероместную карету и поскакали на прекрасных лошадях по лондонской дороге, ровной и гладкой.

Какие места! Какая земля! Везде богатые темно-зеленые и тучные луга, где пасутся многочисленные стада, блестящие своею перловою и серебряною волною; везде прекрасные деревеньки с кирпичными домиками, покрытыми светлою черепицею; везде видите вы маленьких красавиц (в чистых белых корсетах, с распущенными кудрями, с открытою снежною грудью), которые держат в руках корзинки и продают цветы; везде замки богатых лордов, окруженные рощами и зеркальными прудами; везде встречается вам множество карет, колясок, верховых; множество хорошо одетых людей...

Какое многолюдство! Какая деятельность! И притом какой порядок! Все представляет вид довольства, хотя не роскоши, но изобилия. Ни один предмет от Дувра до Лондона не напомнил мне о бедности человеческой».

Всё увиденное путешественник невольно сравнивает с Парижем, Францией, потому что Париж оставил неизгладимое впечатление, бурю эмоций в душе путешественника. Слишком разителен был контраст, но столь же многообразны и увлекательны были лондонские впечатления...

Лондон, июля... 1790

«Наконец вижу и Лондон.

Если великолепие состоит в огромных зданиях, которые, подобно гранитным утесам, гордо возвышаются к небу, то Лондон совсем не великолепен. Проехав двадцать или тридцать лучших улиц, я не видал ни одних величественных палат, ни одного огромного дому. Но длинные, широкие, гладко вымощенные улицы, большими камнями устланные дороги для пеших, двери домов, сделанные из красного дерева, натертые воском и блестящие, как зеркало, непрерывный ряд фонарей на обеих сторонах, красивые площади (squares), где представляются вам или статуи, или другие исторические монументы; под домами – богатые лавки, где, сквозь стеклянные двери, с улицы видите множество всякого роду товаров; редкая чистота, опрятность в одежде людей самых простых и какое-то общее благоустройство во всех предметах – образуют картину неописанной приятности, и вы сто раз повторяете: "Лондон прекрасен!" Какая розница с Парижем! Там огромность и гадость, здесь простота с удивительною чистотою; там роскошь и бедность в вечной противоположности, здесь единообразие общего достатка; там палаты, из которых ползут бледные люди в раздранных рубищах, здесь из маленьких кирпичных домиков выходят здоровье и довольствие, с благородным и спокойным видом – лорд и ремесленник, чисто одетые, почти без всякого различия; там распудренный, разряженный человек тащится в скверном фиакре, здесь поселянин скачет в

хорошей карете на двух гордых конях; там грязь и мрачная теснота, здесь все сухо и гладко – везде светлый простор, несмотря на многолюдство.

Кто скажет вам: "Шумный Лондон!", тот, будьте уверены, никогда не видал его. Многолюден, правда, но тих удивительным образом, не только в сравнении с Парижем, но даже и с Москвою. Кажется, будто здесь люди или со сна не разгулялись, или чрезмерно устали от деятельности и спешат отдыхать. Если бы от времени до времени стук карет не потрясал нерв вашего слуха, то вы, ходя по здешним улицам, могли бы вообразить, что у вас залегли уши. Я входил в разные кофейные дома: двадцать, тридцать человек сидят в глубоком молчании, читают газеты, пьют красное португальское вино, и хорошо, если в десять минут услышите два слова – какие же? "Your health, gentleman!" – "Ваше здоровье!" Мудрено ли, что англичане славятся глубокомыслием в философии? Они имеют время думать. Мудрено ли, что ораторы их в парламенте, заговорив, не умеют кончить? Им наскучило молчать дома и в публиче».

Путешественник жадно впитывает всё новые и новые впечатления, особенно его интересуют люди, их внешность, манера поведения, привычки – ведь из всего этого складывается по крупницам образ другой страны, другой культуры.

«Спокойствие моих ушей давало полную свободу глазам моим заниматься наружностью предметов, особливо лицами. Женщины и в Лондоне очень хороши, одеваются просто и мило; все без пудры, без румян, в шляпках, выдуманых грациями. Они ходят, как летают; за иною два лакея с трудом успевают бежать. Маленькие ножки, выставясь из-под кисейной юбки, едва касаются до камней тротуара; на белом корсете развевается ост-индская шаль; и на шаль из-под шляпки падают светлые локоны. Англичанки по большей части белокуры, но самые лучшие из них темноволосые. Так мне показалось, а я, право, смотрел на них с большим вниманием! Взглядывал и на англичан, которых лица можно разделить на три рода: на угрюмые, добродушные и зверские. Клянусь вам, что нигде не случилось мне видеть столько последних, как здесь... Франтов видел я здесь гораздо более, нежели в Париже. Шляпа сахарною головою, густо насаленные волосы и виски до самых плеч, толстый галстук, в котором погребена вся нижняя часть лица, разинутый рот, обе руки в карманах и самая непристойная походка: вот их общие приметы! Не думаю, чтобы из тысячи подобных людей вышел один хороший член парламента. Борк, Фоке, Шеридан, Питт в молодости своей, верно, не бегали по улицам разинями.

Не скоро привыкнешь к здешнему образу жизни, к здешним поздним обедам, которые можно почти назвать ужинами. Вообразите, что за стол садятся в семь часов! Хорошо тому, кто спит до одиннадцати, но каково мне, привыкшему вставать в восемь? Брожу по улицам, люблюсь, как на вечной ярмонке, разложенными в лавках товарами, смотрю на смешные карикатуры, выставяемые на дверях в эстампных кабинетах, и дивлюсь охоте англичан. Как француз на всякий случай напишет песенку, так англичанин на все выдумает карикатуру...

Захожу завтракать в пирожные лавки, где прекрасная ветчина, свежее масло, славные пироги и конфеты, где все так чисто, так прибрано, что любо взглянуть. Правда, что такие завтраки недешевы, и меньше двух рублей не заплатишь, если аппетит хорош. Обедаю иногда в кофейных домах, где за кусок говядины, пудинга и сыру берут также рубли два. Зато велика учтивость, слуга отворяет вам дверь, и миловидная хозяйка спрашивает ласково, Что прикажете?..»

Лондон, июля... 1790

«Лондон ... ужасно длинен, но в иных местах очень узок; в окружности же составляет верст пятьдесят... Вестминстер и Сити составляют две главные части его: в первом живут по большей части свободные и достаточные люди, а в последнем купцы, работники, матросы: тут река с великолепными своими мостами, тут биржа, улицы теснее, и везде множество народу. Тут не видите уже той приятной чистоты, которая на каждом шагу пленяет глаза в Вестминстере. Темза, величественная и прекрасная, совсем не служит к украшению города, не

имея хорошей набережной (как, например, Нева в Петербурге или Рона в Лионе) и будучи с обеих сторон застроена скверными домами, где укрываются самые бедные жители Лондона... Но и в этой неопрятной части города находите везде богатые лавки и магазины, наполненные всякого рода товарами, индейскими и американскими сокровищами, которых запасено тут на несколько лет для всей Европы...

Нет другого города столь приятного для пешеходцев, как Лондон: везде подле домов сделаны для них широкие тротуары, которые по-русски можно назвать намостами; их всякое утро моют служанки (каждая перед своим домом), так что и в грязь, и в пыль у вас ноги чисты. Надобно знать, что все лондонские дома строятся с подземельною частию, в которой бывает обыкновенно кухня, погреб и еще какие-нибудь, очень несветлые горницы для слуг, служанок, бедных людей. В Париже нищета взбирается под облака, на чердак; а здесь опускается в землю. Можно сказать, что в Париже носят бедных на головах, а здесь топчут ногами.

Домы лондонские все малы, узки, кирпичные, небеленые (для того, чтобы вечная копоть от угольев была на них менее приметна) и представляют скучное, печальное единообразие; но внутренность мила: все просто, чисто и похоже на сельское. Крыльцо и комнаты устланы прекрасными коврами; везде светлое красное дерево; нигде не увидишь пылинки; нет больших зал, но все уютно и покойно...»

Мы уже упоминали, что «Письма русского путешественника» – настоящая энциклопедия европейской жизни. Здесь вы найдёте всё: от обедов с простолудином в скромной таверне с подробнейшим описанием меню до философских бесед с известнейшими мыслителями своего времени. Путешественник знакомится с новой страной, её историей и культурой Герой Карамзина – обыкновенный человек, ценящий комфорт и дешёвизну: Таким образом, возникает новое соотношение важного и случайного, философского и бытового, духовного и вещественного.

«Картина добрых нравов и семейственного счастья всего более восхищает меня в деревнях английских, в которых живут теперь многие достаточные лондонские граждане, делаясь на лето поселянами... Здесь женщины скромны и благонравны, следственно, мужья счастливы; здесь супруги живут для себя а не для света. Я говорю о среднем состоянии людей; впрочем, и самые английские лорды, и самые английские герцоги не знают того всегдашнего рассеяния, которое можно назвать стихиею нашего так называемого хорошего общества. Здесь бал или концерт есть важное происшествие: об нем пишут в газетах. У нас правило: вечно быть в гостях или принимать гостей. Англичанин говорит: "Я хочу быть счастливым дома и только изредка иметь свидетелей моему счастью"... Англичанка, воспитываемая для домашней жизни, приобретает качества доброй супруги и матери, украшая душу свою теми склонностями и навыками, которые предохраняют нас от скуки в уединении и делают одного человека сокровищем для другого. Войдите здесь поутру в дом: хозяйка всегда за рукодельем, за книгою, за клавесином, или рисует, или пишет, или учит детей в приятном ожидании той минуты, когда муж, отправив свои дела, возвратится с биржи, выйдет из кабинета и скажет: "Теперь я твой! Теперь я ваш!" Пусть назовут меня чем кому угодно, но признаюсь, что я без какой-то внутренней досады не могу видеть молодых супругов в свете и говорю мысленно: "Несчастные! Что вы здесь делаете? Разве дома, среди вашего семейства, в объятиях любви и дружбы, вам не сто раз приятнее, нежели в этом пусто-блестящем кругу, где не только добрые свойства сердца, но и самый ум едва ли не без дела; где знание какой-то приличности составляет всю науку; где быть не странным есть верх искусства для мужчины и где две, три женщины бывают для того, чтобы удивлялись красоте их, а все прочие... бог знает, для чего; где с большими издержками и хлопотами люди проводят несколько часов в утомительной игре ложного веселья? Если у вас нет детей, мне остается только жалеть, что вы не умеете наслаждаться друг другом и не знаете, как мило проводить целые дни с любезным человеком, деля с ним дело и безделье, в полной душевной свободе, в мирном расположении сердца...

Я всегда думал, что дальнейшие успехи просвещения должны более привязать людей к домашней жизни. Не пустота ли душевная увлекает нас в рассеяние?.. Когда голова и сердце

заняты дома приятным образом, когда в руке книга, подле милая жена, вокруг прекрасные дети, захочется ли ехать на бал или на большой ужин?..

Вольтер в конце своего остроумного романа говорит: "Друзья! Пойдем работать в саду!", слова, которые часто отзываются в душе моей после утомительного размышления о тайне рока и счастья. Можно еще примолвить: "Пойдем любить своих домашних, родственников и друзей, а прочее оставим на произвол судьбы!"»

Достопримечательности Лондона также не оставляют равнодушным нашего путешественника.

Лондон, июля... 1790

«Хотя Лондон не имеет столько примечания достойных вещей, как Париж, однако ж есть что видеть, и всякий день употребляю несколько часов на осматривание зданий, общественных заведений, кабинетов... Англия, богатая философами и всякого рода авторами, но бедная художниками, произвела наконец несколько хороших живописцев, которых лучшие исторические картины собраны в так называемой Шекспировой галерее...

Лондонская крепость, Tower, построена на Темзе в одиннадцатом веке Вильгельмом Завоевателем, была прежде дворцом английских королей, их убежищем в народных возмущениях, наконец государственную темницу; а теперь в ней монетный двор, арсенал, царская кладовая и – звери!

Английская история богата злодействами; можно смело сказать, что по числу жителей в Англии более, нежели во всех других землях, погибло людей от внутренних мятежей. Здесь католики умерщвляли реформаторов, реформаторы – католиков, роялисты – республиканцев, республиканцы – роялистов; здесь была не одна французская революция. Сколько добродетельных патриотов, министров, любимцев королевских положило свою голову на эшафоте! Какое остервенение в сердцах! Какое иступление умов!

Сент-Джемский дворец есть, может быть, самый беднейший в Европе...

Уайт-гал (White-Hall) был прежде дворцом английских королей – сгорел, и теперь существуют только его остатки, между которыми достойна примечания большая зала, расписанная вверху Рубенсом.

Адмиралтейство есть также одно из лучших зданий в Лондоне.

Самый огромный дом в Лондоне есть так называемый Соммерсет-гаус на Темзе, который еще не достроен и похож на целый город. Тут соединены все городские приказы, комиссии, бюро; тут живут казначеи, секретари и проч. Архитектура очень хороша и величественна.

Виндзорский дворец ... стоит на высоком месте... На одной стороне равнина, где извивается величественная Темза, опушенная лесочками, а на другой – большая гора, покрытая густым лесом. Перед дворцом, на террасе, гуляли принцессы, дочери королевские, в простых белых платьях, в соломенных шляпках, с тросточками, как сельские пастушки... Дворец построен еще Вильгельмом Завоевателем, распространен и украшен другими королями. Он славится более своим прекрасным местоположением, нежели наружным и внутренним великолепием... Я долго смотрел на портрет нашего Великого Петра, написанный во время его пребывания в Лондоне живописцем Неллером. Император был тогда еще молод: это Марс в Преображенском мундире!

Вестминстерское аббатство... есть самое древнейшее здание в Лондоне, несколько раз горело, разрушалось и снова из праха восставало... Внутренность разительна: огромный свод величественно опускается на ряд гигантских столпов, между которыми свет и мрак разливаются. Тут всякий день бывает утреннее и вечернее служение; тут венчаются короли английские; тут стоят и гробы их!.. Тут сооружены монументы героям, патриотам, философам, поэтам... Преклоните колена... Вот Шекспир!.. стоит, как живой, в одежде своего времени, опершись на книгу, в глубокой задумчивости...»

Окрестности Лондона

«Видя и слыша, как скромно живут богатые лорды в столице, я не мог понять, на что они проживаются, но, увидев сельские дома их, понимаю, как им может недоставать и двухсот тысяч дохода. Огромные замки, сады, которых содержание требует множества рук, лошади, собаки, сельские праздники, – вот обширное поле их мотовства! Русский в столице и в путешествиях разоряется, англичанин экономит. Живучи в Лондоне только заездом, лорд не считает себя обязанным звать гостей, не стыдится в старом фраке идти пешком обедать к принцу Валлисскому и ехать верхом на простой наемной лошади; а если вы у него по короткому знакомству обедаете, служат два лакея – простой сервис – и много что пять блюд на столе. Здесь живут в городе, как в деревне, а в деревне, как в городе; в городе – простота, в деревне – старомодная пышность, – разумеется, что я говорю о богатом дворянстве.

И сколько сокровищ в живописи, в антиках рассеяно по сельским домам! Давно уже англичане имеют страсть ездить в Италию и скупать все превосходное, чем славится там древнее и новое искусство; внук умножает собрание деда, и картина, статуя, которою любовались художники в Италии, навеки погребается в его деревенском замке, где он бережет ее, как золотое руно свое, почему, теряясь в лабиринте сельских парков, любопытный художник может воображать себя Язоном».

Путешественник – человек образованный, он живёт напряжённой духовной жизнью, он пропускает через сердце и мысли всё увиденное и пережитое, что даёт ему возможность сопоставлять, сравнивать ...

«Было время, когда я, почти не видав англичан, восхищался ими и воображал Англию самую приятнейшею для сердца моего землею. Мне казалось, что быть храбрым есть... быть англичанином, великодушным – тоже, чувствительным – тоже; истинным человеком – тоже. Романы, если не ошибаюсь, были главным основанием такого мнения. Теперь вижу англичан вблизи, отдаю им справедливость, хвалю их – но похвала моя так холодна, как они сами.

Во-первых, я не хотел бы провести жизнь мою в Англии для климата, сырого, мрачного, печального. Знаю, что и в Сибири можно быть счастливым, когда сердце довольно и радостно, но веселый климат делает нас веселее, а в грусти и в меланхолии здесь скорее, нежели где-нибудь, захочется застрелиться. Рожи, парки, луга, сады – все это прекрасно в Англии, но все это покрыто туманами, мраком и дымом земляных угольев. Редко-редко проглянет солнце, и то ненадолго, а без него худо жить на свете. Английская зима не так холодна, как наша; зато у нас зимою бывают красные дни, которые здесь и летом редки. Как же англичанину не смотреть сентябрем?

Во-вторых – холодный характер их мне совсем не нравится. "Это – вулкан, покрытый льдом", – сказал мне, рассмеявшись, один французский эмигрант. Но я стою, гляжу, пламени не вижу, а между тем зябну. Русское мое сердце любит изливаться в искренних, живых разговорах, любит игру глаз, скорые перемены лица, выразительное движение руки. Англичанин молчалив, равнодушен, говорит, как читает, не обнаруживая никогда быстрых душевных стремлений, которые потрясают электрически всю нашу физическую систему. Говорят, что он глубокомысленнее других; не для того ли, что кажется глубокомысленным? Не потому ли, что густая кровь движется в нем медленнее и дает ему вид задумчивого, часто без всяких мыслей? Пример Бекона, Невтона, Локка, Гоббеса ничего не доказывает. Гении рождаются во всех землях, вселенная – отечество их, – и можно ли по справедливости сказать, чтобы, например, Локк был глубокомысленнее Декарта и Лейбница?

Но что англичане просвещены и рассудительны, соглашаюсь: здесь ремесленники читают Юмову «Историю», служанка – Йориковы проповеди и «Клариссу»; здесь лавошник рассуждает основательно о торговых выгодах своего отечества, и земледелец говорит вам о Шеридановом

красноречии; здесь газеты и журналы у всех в руках не только в городе, но и в маленьких деревеньках.

Англичане любят благотворить, любят удивлять своим великодушием и всегда помогут несчастному, как скоро уверены, что он не притворяется несчастным. В противном случае скорее дадут ему умереть с голода, нежели помогут, боясь обмана, оскорбительного для их самолюбия...

Англичане честны, у них есть нравы, семейная жизнь, союз родства и дружбы...

Они горды – и всего более гордятся своею конституциею...

Кто думает, что счастье состоит в богатстве и в избытке вещей, тому надобно показать многих здешних крезов, осыпанных средствами наслаждаться, теряющих вкус ко всем наслаждениям и задолго до смерти умирающих душою. Вот английский сплин! Эту нравственную болезнь можно назвать и русским именем: скукою, известною во всех землях, но здесь более нежели где-нибудь, от климата, тяжелой пищи, излишнего покоя, близкого к усыплению. Человек – странное существо! В заботах и беспокойстве жалуется; всё имеет, беспечен и – зевает. Богатый англичанин от скуки путешествует, от скуки делается охотником, от скуки мотает, от скуки женится, от скуки стреляется. Они бывают несчастливы от счастья! Я говорю о здешних праздных богачах, которых деда нажились в Индии, а деятельные, управляя всемирною торговлею и вымышляя новые способы играть мнимыми нуждами людей, не знают сплина...

Наконец – если бы одним словом надлежало означить народное свойство англичан – я назвал бы их угрюмыми так, как французов – легкомысленными, италийцев – коварными. Видеть Англию очень приятно; обычаи народа, успехи просвещения и всех искусств достойны примечания и занимают ум ваш. Но жить здесь для удовольствий общежития есть искать цветов на песчаной долине – в чем согласны со мною все иностранцы, с которыми удалось мне познакомиться в Лондоне и говорить о, том. Я и в другой раз приехал бы с удовольствием в Англию, но выеду из нее без сожаления».

Путешествие заканчивалось. Возвратившись на родину и создав по свежим путевым впечатлениям литературное произведение – «Письма русского путешественника», Карамзин открыл россиянину огромный, во многом неизвестный мир народов Западной Европы. Карамзин просвещал и воспитывал своих читателей, учил ценить достижения человеческого ума, культуру людей разных наций, понимать жизнь и обычаи других народов и – что очень немаловажно – любить свою родину, ведь не случайно, где бы он ни был, сердце его рвалось в Россию, домой.

И мы с вами, закрывая книгу, ещё раз с волнением перечитываем последнее письмо русского путешественника:

«Берег! Отечество! Благословляю вас! Я в России и через несколько дней буду с вами, друзья мои!.. Всех останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-русски и слышать русских людей».

Сам Карамзин называл «Письма» «зеркалом души моей в течение осьмнадцати месяцев» и надеялся, что эти записки будут приятны и полезны не только для читателя его времени, но и нам, потомкам. Он писал: «Может быть, и другие найдут нечто приятное в моих эскизах; может быть, и другие... Но это их, а не мое дело».

Мы закончили чтение «Писем русского путешественника», но «Путешествие с Карамзиным» продолжается. В следующий раз мы с вами перелистаем страницы повести «Бедная Лиза».